

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

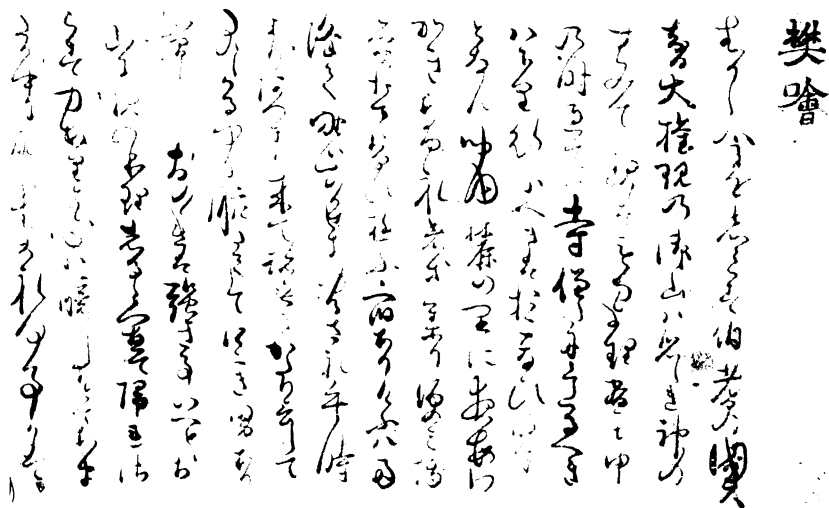
Санкт-Петербург
1993

Новелла Уэда Акинари "Ханкай".

И. В. Мельникова

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Новелла "Ханкай" (樊噲) входит в сборник "Повести весеннего дождя" ("Харусамэ моногатари"), созданный классиком японской литературы Уэда Акинари (1734-1809) на склоне лет и дошедший до нас лишь в рукописном варианте. Трудно сказать, какой была бы реакция современников, если бы сборник был издан в начале XIX века. Однако, спустя столетие, когда отдельные новеллы сборника были впервые опубликованы, они стали сенсацией: читатели, профессиональные литераторы, учёные встретили их с энтузиазмом [11, с. 83-92].

Начало новеллы "Ханкай". Автограф Акинари. "Книга Томнока". (Каталог 35-й выставки сокровищ книжного хранилища университета Тэйри, посвященной Уэда Акинари. 1973 г.)

Сборник "Харусамэ моногатари" очень отличается от того, что создавалось и было популярно в последние полвека существования старой Японии. Он ближе к послемэйдзийской литературе, как по уровню поставленных автором проблем (анализ нравственной сути человека, его места в мире, роли в истории), так и по мастерству создания многомерных, нетривиальных образов.

Особое место в сборнике занимает новелла "Ханкай". Она последняя, самая большая по объёму, и нередко воспринимается как мощный финальный

аккорд. Ниже предлагается полный перевод новеллы "Ханкай", выполненный по изданию [16], а данная статья предназначена быть кратким введением в изучение "Харусамэ моногатари" и новеллы "Ханкай", как важнейшей составляющей сборника.

1. К истории текстов.

Самые ранние версии новелл "Харусамэ моногатари" относятся к 1802 году. Акинари умер в 1809 году, и работу над "Харусамэ" он, по-видимому, продолжал до самой смерти. В последний период жизни он был болен, почти слеп и забыт миром. Сборник "Харусамэ моногатари" стал известен лишь узкому кругу почитателей его таланта. Книга известного писателя следующего поколения Кёкутэя Бакина "Произведения периода Кинсэй. Эдоские авторы" ("Кинсэй моно-но хон. Эдо сакуся буруй"), появившаяся в 1834 году, свидетельствует, что о существовании сборника Акинари, состоящего из десяти новелл, Бакину было известно. Однако, мы не знаем, читал ли он, а равно другие писатели XIX века, последние новеллы Акинари.

Начиная с 50-х годов XIX века, Япония пережила стрессовую ситуацию в связи с "открытием" страны, широким знакомством с Западом, изменением политического режима, курсом на модернизацию. Лишь к концу XIX века возобновился интерес к традиционным ценностям, национальной культуре и литературе. Активизировался и интерес к творчеству Уэда Акинари. В 1907 году Фудзиока Сакутаро впервые опубликовал так называемую "книгу Томиока" (冨岡本), рукопись "Харусамэ моногатари", включающую пять новелл из десяти. Рукопись получила своё название по фамилии владельца, известного художника Томиока Тэссай (1836-1924). Новелла "Ханкай" была опубликована в незаконченном виде, вторая ее часть в "книге Томиока" отсутствовала. В 1932 году под несколькими слоями бумаги, которой оклеивали раздвижные перегородки *фусума* в храме Сайфукудзи в Киото, где Акинари некоторое время жил и во дворе которого похоронен, были обнаружены обрывки рукописей Акинари, среди них и фрагменты недостающих новелл "Харусамэ моногатари". Всё это поступило в книжное хранилище университета Тэнри в городе Нара. В 40-х годах крупнейший специалист по токугавской литературе Накамура Юкихико интенсивно работал над архивом Уэда Акинари, хранящимся в библиотеке университета Тэнри, результатом чего стала публикация в 1947 году фрагментов пяти недостающих в "книге Томиока" новелл. Вторая часть новеллы "Ханкай" была представлена этими фрагментами достаточно полно. В 1950 году Урусияма Сосиро обнаружил на послевоенном книжном развале в Уэно (Токио) рукопись "Харусамэ моногатари", скопированную в 1843 году неким Такэути Ядзаэмоном с автографа Акинари. По произволу переписчика в рукописи, получившей название "Урусияма бон" (漆山本), две новеллы из десяти были опущены. Переписчик сделал следующую пометку в колофоне: "Всего десять вещей, но из них седьмая, "Сутэйси Мару", и десятая,

---

И. В. Мельникова. Новелла Уэда Акинари "Ханкай"

"Ханкай", очень уж развратны, там такие неприятные подробности..." (Цит. по:[16, с. 16]).

В 1951 году литературовед Маруяма Сигэо обнаружил ещё один список, по-видимому, с того же оригинала, что и предыдущий, но уже без лакун. Оригинал, как указано в колофонах списков, датируется пятым годом эры Бунка (1808).

Итак, существуют две линии списков сборника "Харусамэ": 1) списки "пятого года эры Бунка", включающие полный вариант сборника и 2) рукопись Акинари "книга Томиока", а также её списки, представляющие полностью четыре новеллы и первую часть новеллы "Ханкай". Имеются также разрозненные листы черновиков Акинари и фрагменты недостающей части "книги Томиока". Сама "книга Томиока" датируется 1809 годом и представляет собой исправленный и переработанный автором вариант рукописи "пятого года эры Бунка". Что касается новеллы "Ханкай", которая полностью имеется лишь в более ранних списках "пятого года Бунка", то в наиболее авторитетных серийных изданиях японской классики (см.: [16,17]) принят следующий порядок публикации: первая часть публикуется по автографу "книги Томиока", а вторая — по спискам линии "пятого года Бунка".

2. Новелла "Ханкай" в контексте "Харусамэ моногатари"

Сборник неоднороден по составу, включённые в него вещи различаются объёмом, тематикой, стилем. Как и сборник "Угэцу моногатари", написанный тридцатью годами ранее, он содержит два типа произведений:

1. Произведения, которые не всегда можно назвать новеллами и которые граничат с эссе или же беллетризированными учёными записками. В них силён полемический элемент, в уста героев вкладываются авторские суждения по различным философско-историческим и литературным поводам. Впрочем, при этом образы героев и "декорации" могут быть достаточно убедительными литературно.

2. Собственно новеллы с развитым сюжетом, который и несёт на себе основную идейную нагрузку. Первые три новеллы сборника: "Окровавленные одежды" (血かたびる "Ти катабира"), "Небесные девы" (天津處女 "Амацу отомэ") и "Пират" (海賊 "Кайдзоку"), — посвящены персонажам японской истории.

Время действия в новелле "Окровавленные одежды" — начало IX века, герои — император Хэйдзэй, добродетельный, прямодушный и доверчивый; брат императора принц Камино, воплощённый образец китайской учёности; вероучитель Кукай, чьему авторитету Акинари приписывает собственные суждения; придворная дама Кусурико, чья жажда власти, материализовавшись, дала образ навечно сочащихся кровью одежд. Акинари попытался воссоздать в новелле атмосферу древней Японии, какой она ему виделась, а также поставить проблемы религии, философии, нравственности. Таинственные предзнаменования, поэтические символы, видения и сны, которыми пронизана новелла, предполагают амбивалентность решений. В центре внимания — император Хэйдзэй, один из наиболее убедительных образов "Харусамэ моногатари".

Памятники культуры Востока

Новелла "Небесные девы" хронологически является продолжением предыдущей новеллы. Это цепь эпизодов, рисующих жизнь двора, что даёт автору возможность порассуждать о японской поэзии, проблеме престолонаследия, влиянии буддизма и китайской учёности на молодую японскую государственность. В отличие от предыдущей новеллы, здесь нет центрального героя, и полемический момент явно превалирует над повествовательным.

Третья из "исторических" новелл основывается на эпизоде из знаменитого "Дневника путешествия из Тоса" ("Тоса никки", 936 г.), в котором рассказывается о нападении пиратов на судно возвращающегося в столицу губернатора провинции Тоса. В качестве пирата выведен Бунья-но Акицу (ум. 843 г.), придворный и стихотворец, попавший в опалу и высланный из столицы. Губернатором провинции Тоса был, как известно, Ки-но Цураюки. Акинари сводит двух этих знатоков поэзии ради спора по проблемам японской филологии. На самом деле исторический Бунья-но Акицу умер за сорок лет до рождения Ки-но Цураюки. Условность подобной ситуации отмечена автором в концовке новеллы: "Наслушавшись чужих выдумок, я здесь морочу людей. Да, кисть может уколоть, я и сам бывал ранен. Но всё же крови нет ни на ком из нас". Можно заключить, что новелла — памфлет, нацеленный на оппонентов Акинари в литературных спорах.

Далее следует новелла, время действия которой никак не конкретизировано. Персонажи её не принадлежат истории. Новеллу "Узы на два века" (二世の縁, "Ни сэ-но эн") иногда называют "антибуддийской". Действительно, это рассказ о том, как целая деревня разуверилась в проповедях буддийских священнослужителей из-за того, что некий монах, возвращенный к жизни из состояния медитации, оказался самым обычным, даже туповатым, малым. Его женили на деревенской вдове, что как бы оправдывало его "религиозный подвиг", поскольку подтверждалось буддийское изречение о том, что супружеские узы не рвутся в двух перерождениях. Профанация и осмеяние мнимой святости, утверждение ценности посюстороннего ("Пока жив — думай о делах насущных!") отнюдь, на наш взгляд, не свидетельствуют об отрицании буддизма. Скорее это критика недалёких монахов и самого пути к вере, пролегающего через навязанные извне ограничения и неестественные "перегибы".

Следующая новелла, "Одноглазый бог" (目ひとつの神, "Мэ хитоцу-но kami"), по настроению ближе, чем какая-либо другая, к новеллам сборника "Угэцу моногатари". Атмосфера чуда, призрачности границ между реальным и потусторонним, свойственна рассказу о юноше из провинции, идущем в столицу "учиться поэзии" и встретившем в лесу странную компанию: синтоистский священник, странствующий буддийский монах, дева-лиса со служанкой-лисичкой, одноглазый бог Итимокурэн, обезьяна и кролик. Пир в лесу и наставления одноглазого бога о том, что "научиться" поэзии невозможно — это и есть главные события новеллы.

Далее подряд следуют три новеллы, которые мы считаем связанными общей темой и художественным решением, как между собой, так и с заключительной новеллой "Ханкай". Это новеллы "Улыбка мёртвой головы" (死首のゑがほ, "Сикуби-но эгао"), "Сутэиси Мару" (捨石丸) и "Могилы Мяги" (宮木が塚, "Мяги га цука").

И. В. Мельникова. Новелла Уэда Акинари "Ханкай"

Героям всех трёх новелл присуща сила духа и некое спонтанное осознание собственного долга и предназначения. В "Улыбке мёртвой головы" герой убивает сестру, отвергнутую отцом её жениха — таковы требования кодекса чести. Героиня умирает с улыбкой благодарности. В "Могиле Мияги" куртизанка бросается в волны реки, осознав тщету бытия. В "Сутэиси Мару" герой, скрывающийся от кровной мести, решает посвятить остаток жизни строительству туннеля на опасном перевале в горах, и враг его, растроганный, отказывается от мщения и присоединяется к труду ради общего блага. Как главные, так и второстепенные персонажи всех трёх новелл — узнаваемые типы токугавской литературы. Хотя новелла "Могила Мияги" основана на известной легенде, герои которой жили в XII веке, она скорее напоминает историю девушки из весёлых кварталов эпохи Эдо. По сравнению с предшествовавшей токугавской литературой, герои Акинари обнаруживают, однако, больше индивидуальных черт, их характеры глубже проработаны психологически.

Всё сказанное выше справедливо и для новеллы "Ханкай", особенно созвучной с новеллой "Сутэиси Мару". В центре обеих новелл — судьба героев, довольно схожих между собой. И Сутэиси, и Ханкай — простые парни из глубинки, изображённые в начале лишь как великаны, силачи, гуляки, большие охотники до вина. В конце оба приходят к нравственному мужанию, обретают прозрение. Ханкай становится праведным монахом, настоятелем храма, а Сутэиси ревностно исполняет обет прорыть туннель в скалах Ао-но домон. Оба проходят через насыщенную символическим значением ситуацию "разрыва с родным домом", оба обвиняются в убийстве, оба приходят к раскаянию самостоятельно и спонтанно. Если Ханкай кончает свою жизнь в Митиноку, то для Сутэиси район Митиноку — родные места, которые он вынужденно покидает. Такая формальная перекличка между новеллами тоже, на наш взгляд, заслуживает упоминания, поскольку географическая привязка характерна и для японской традиционной литературы вообще, и для творчества Акинари, культивировавшего этот контекстуально обогащающий приём. Предпоследняя новелла — "Похвала поэзии" (歌のほまれ, "Ута-но хомарэ"), может быть названа новеллой лишь условно, поскольку в ней автор непосредственно и "от себя" излагает свои взгляды на древнюю японскую поэзию. Вообще, проблема повествователя в этом сборнике требует постановки. Совершенно очевидно, что созвучие имени Акинари и имени Бунья-но Акицу, а также параллель между слепым на один глаз Акинари и "Одноглазым богом" — это явления не случайные. Автор-повествователь оказывается многоголиким, произнося реплики также и под масками своих героев. Что же касается новеллы "Ханкай", то концовка её также даёт повод для раздумий. Не является ли вся история исповедью престарелого настоятеля? И если она изложена самим "переродившимся" героем, тогда окажется, что "от автора" написана лишь финальная сцена.

В "Харусамэ моногатари" Уэда Акинари неоднократно повторяет то, что писал в дневниках, критических и научных трудах, однако повторяет уже от имени своих героев. Дело здесь, наверное, не только в том, чтобы выношенные идеи изложить от лица авторитетов. Сами идеи как бы подвергаются проверке в "игровой ситуации".

3. Творческие и мировоззренческие принципы автора.

Сборнику предпослано авторское предисловие, в котором, в частности, Акинари написал: "Подражать старинным повестям — дело новичков", — а также подчеркнул, что его истории — вымышленные (*сорагото*). Известно, что Уэда Акинари много размышлял над сущностью художественной прозы. Анализ классических романов и повестей хэйанской эпохи (X-XII вв.) привёл его к вопросу о том, что же такое *моногатари* (повесть), что видит в ней читатель, зачем и как её создаёт автор. Если суммировать взгляды Акинари, высказанные им в ряде статей, то они сводятся к тому, что художественной прозе присущ вымысел, который является орудием воплощения авторской концепции и который сообщает произведению эстетическую ценность [8].

Акинари воспринял популярную в Японии XVIII века "теорию притч" (*гуээнрон*), но в его понимании художественное произведение не являлось иллюстрацией заранее заданной религиозной или этической идеи, а воплощало в виде притчи индивидуальные взгляды автора. Приведём цитату из работы "Нубатама-но маки" (1779): "Я, вот, думаю, что же такое *моногатари*... Подобные произведения были и в Китае. Всё в них — вымысел, они не имеют ничего общего с реальными фактами, но именно в них автор пишет о том, к чему стремятся его думы. Один печалится о том, что так чарует нас в этом мире, другой вздыхает о расточительности в государстве, но не считая возможным противиться ходу вещей, страшась гнева вышестоящих, они пишут туманно, обращаются к делам уже минувшим, и так намекают на нынешнее" [15, с. 104]. Одной из излюбленных идей Акинари была идея *наоки кокуро* (直善心), что условно можно перевести как "прямая душа", "чистое сердце", "неиспорченный человек". Идея эта родилась не без влияния доктрин "национальной науки" (國學), а также даосизма. В ряде работ, посвящённых классической японской поэзии и прозе, Акинари писал о "прямых сердцем" древних японцах, которые сочиняли замечательные стихи, искренние и безыскусные, и по внутреннему наитию, спонтанно, поступали всегда так, как подобает [8]. В отличие от Мотоори Норинага, чья идея *магокуро* (истинного сердца) была близка идее *наоки кокуро*, Акинари не считал, что следует возродить ушедшую древность и утраченную простоту, а говорил о том, что в провинции это всё живёт в сердцах простых неграмотных людей. Любопытен отрывок 161 из "Заметок ретивого сердца и трезвой головы" [5], создававшихся одновременно со сборником "Харусамэ моногатари". Приведём цитату: "Уж как умён был Будда! Вначале он проповедовал то, что лежит в пределах человеческих желаний, а затем старался подвести к тому, чтобы от них отказаться. Да только три тысячи лет минуло, а и близко этого нет... И всё же, среди священников, не знающих ни единой строчки писания, и среди отважных, простодушных малых из народа есть люди, которые приходят к отречению от желаний" [16, с. 361]. Здесь простодушие и отвага названы автором как предпосылки для буддийского постижения истины, что было для него равнозначно обретению человеком внутренней гармонии.

В Японии токугавской эпохи основу идеологии составляло триединство буддизма, конфуцианства и *синто*. В своём сборнике "Угэцу моногатари" в новелле "Рассуждение о бедности и богатстве" Уэда Акинари писал: "Поощряют добро и карают зло Небеса, боги-ками и Будды. Три учения суть

единый путь" [16, с. 137]. Однако, школа "национальной науки", к которой в зрелые годы примкнул и Акинари, уделяла пристальное внимание местным богам синтоистского пантеона, подчеркивая их превосходство. Мотоори Норинага, опираясь на свод мифов и легенд "Кодзики", утверждал, что человек лишь марионетка в руках богов-ками, которыми создано и управляется всё сущее. Буддизм и конфуцианство, как чуждые японскому духу учения, он отрицал [6, с. 95-106]. Взгляды Мотоори Норинага послужили своего рода отправной точкой для выработки собственных позитивных взглядов Акинари. Уэда Акинари считал, что "буддизм и конфуцианство пустили корни в Японии потому, что в них было что-то созвучное нуждам японцев" (цит. по: [9, с. 427]). Он не абсолютизировал синто. К концу жизни Акинари пришёл к выводу о том, что боги синтоистского пантеона обладают совершенно особой природой, отличающей их, например, от буддийских божеств. Непостижимая логика действий богов-ками, не соответствующая нормам человеческой этики, определена у Акинари так: "Для них нет плохого и хорошего, правды и лжи: что хорошо для меня — поощряю, что для меня плохо — прокляну" [16, с. 258]. Богам-ками, чья природа у Акинари сравнивается с природой животных-оборотней, "скотов", противопоставлена человеческая природа в высшем её проявлении: "Иное дело — Будды и мудрецы (конфуцианские патриархи — И. М.), ведь они люди, с человеческими чувствами, и даже злодеев не спрашивают за грехи" [16, с. 258]. Человеческой природе свойственно, прежде всего, этическое сознание: "Смирив своё сердце, всякий может слиться с Буддой, а распустился — вот и демон" (финальная сентенция в новелле "Ханкай"). Однако, сознание это не может быть навязано извне, и лишь "прямая душа" (*наоки кокоро*) озаряется им внезапно и как бы изнутри.

В сборнике "Харусамэ моногатари" изложенные выше идеи Акинари апробированы в художественной форме. Черета образов воплощает идеал "наоки кокоро". В новелле "Ханкай" — это главный герой, сын дровосека Дайзо, присвоивший себе имя отважного китайского воина Фань Куая (яп. Ханкай). Автор рассказывает историю Ханкая как историю побеждённого демона, однако его необузданный герой с самого начала обнаруживает качества, приводящие его в конце концов к внутренней гармонии. Акинари подчёркивает естественность героя, его искренность, способность отдаться всей душой чему-то одному, инстинктивную тягу к справедливости, восприимчивость к прекрасному, равнодушие к богатству и живой интерес к окружающему миру. Эти качества не столько показаны в развитии, сколько в приращении, однако сами ситуации, в которые автор ставит своего героя, несомненно, подготавливают концовку. Такой герой, как Ханкай, живущий не разумом, а "прямой душой", одинаково способен совершить отцеубийство и познать истину. Думается, что он продолжает линию, начатую такими важными для традиционной японской культуры образами, как образы ярого бога Сусаноо, легендарного героя Ямато Такэру, монаха-воителя Бэнкэя.

4. Источники сюжетных заимствований в новелле "Ханкай".

Что касается непосредственных заимствований из предшествующей литературы на всех уровнях, то с этой стороны новелла "Ханкай" рассматривалась во многих японских работах [7, 10, 11, 12]. Во-первых, само имя

Ханкай (кит. Фань Куай), знакомое по "Запискам историка", использовалось в японской литературе как символ силача, смельчака, гуляки [1, с. 639-644].

Мотив полёта с божеством, в котором усматривается некое посвящение в "высшее знание", также был известен. Связывался он с образом мифических существ *тэнгу*, а местом обитания *тэнгу* считалась, в том числе, и гора Дайсэн, откуда был унесён на острова Оки герой новеллы "Ханкай".

Образы непослушных сыновей также встречались в предшествующей литературе, причём не только поучительные в конфуцианском духе, но и гротескные. Назовём, к примеру, новеллу Ихара Сайкаку "Дождь слёз, пролившихся безвременно..." из сборника "Хонтё нидзю фуко" (русский перевод см.: [1, с. 294-298]). У Акинари просматриваются некоторые прямые аналогии с этой новеллой Сайкаку.

Притча о монахе, который возвращает грабителю припрятанную было монету, заимствована Акинари из сборника Мацудзакэ Гёсин "Досуги у окна" (*窓のすさみ*, "Мадо-но сусами"), составленного в 1724 году на основе материала, созданного ранее.

В новелле "Ханкай" можно указать и на ряд заимствований из китайского романа "Шуй ху чжуань". Отголоски китайской литературы на *байхуа*, особая роль романа "'Шуй ху чжуань" в токугавской прозе прослежены множеством литературоведов. Можно считать бесспорным фактом, что китайская повесть *хуабэнь* и знаменитые романы "Саньго чжи", "Шуй ху чжуань", "Цзин Пин Мэй" оказали серьёзное влияние на формирование в Японии к концу XVIII в. жанра *ёмихон*, ближе всего стоящего к романным жанрам. Особую роль сыграл роман "Шуй ху чжуань", который имел в Японии множество версий: Такэбэ Аятари, Санто Кёдэн, Такидзава Бакин и ряд менее известных авторов предложили свои "вариации на тему". В творчестве Уэда Акинари это новелла "Ханкай". Перечислим сцены из новеллы, восходящие к "Шуй ху чжуань": 1) составление словесного портрета Ханкаю с тем, чтобы расослать его по всем провинциям, 2) совместная выпивка членов шайки перед разбойным нападением, 3) камуфляж разбойника под странствующего монаха, 4) увлечение Ханкаю игрой на флейте, 5) сломанная ива, как символ расставания друзей, 6) поражение, нанесённое Ханкаю в старом храме самураем, знатоком воинских искусств, 7) кончина Ханкаю в облике восьмидесятилетнего настоятеля. Как видим, сцен, написанных под влиянием "Шуй ху чжуань", достаточно много, но сам способ заимствования лишь отдельных мотивов не идёт ни в какое сравнение с почти буквальным изложением китайских новелл-прототипов в сборнике "Угэцу моногатари", написанном тридцатью годами ранее. Это позволяет говорить о самостоятельном сюжетном творчестве Акинари.

5. Новелла "Ханкай" и современная ей проза.

Сложно подобрать критерий для того, чтобы оценить, насколько успешно автор, Уэда Акинари, справился со своей задачей и воплотил в этой новелле то, что хотел воплотить. Сам Акинари, по крайней мере, отмечал, что замысел автора неадекватен читательскому восприятию: "Опасаясь, что дойдёт до властей, авторы так или иначе затуманивают смысл, пишут как бы не всерьёз. А ведь занимаются этим люди талантливые! Читателям понять их трудно, это очень глубокие произведения, они пишутся по воле прихоти,

чтобы утолить тоску и неудовлетворённость" [15, с. 112]. Сборник Акинари не вошёл вовремя в контекст современной ему литературы, но всё же попробуем очень схематично наметить те вехи в развитии японской прозы, которые знаменует собой новелла "Ханкай". Во-первых, в ней мы видим героя с совершенно определённым характером, раскрытию которого, собственно, и подчинён сюжет. Во-вторых, сюжет в целом развивается самостоятельно, без участия "горних сил", боги не карают героя за грехи. В-третьих, история двухлетних скитаний с постоянной сменой места действия (герой обошёл чуть ли не всю Японию) остаётся всё же историей приключений героя, не уклоняясь в бытоописательные очерки.

Напомним, что *ёмихон* Санто Кёдэна и Кёкутэя Бакина держались на чёткой обусловленности событий законами кармы, а герои в них делились на положительных и отрицательных с заранее заданным набором свойств. Ну, а герои комических рассказов и повестей *коккэйбон* воплощали некие общие свойства человеческой природы или социальные типы. Путешествие в пространстве и движение во времени для таких героев не было связано с воспитанием личности, а становилось канвой для очерков, посвящённых нравам разных местностей и социальных слоёв.

Язык, которым написана новелла "Ханкай", также необычен для японской прозы начала XIX века. Существовавшие в это время жанры *ёмихон*, *сярэбон*, *коккэйбон*, *кибёси* различались между собой объектами изображения и, соответственно, соотношением разговорного и письменного стиля речи, китайского и японского слоёв лексики. Жанр *ёмихон* характеризовался книжным стилем *вакан конкобун*: китайская и японская лексика, грамматика старописьменного языка *бунго*, разговорные обороты речи лишь в редких случаях для характеристики речи "низких" персонажей. Остальные жанры имели чёткое разделение (даже графическое) между репликами героев, максимально приближенными к разговорной речи своего времени (с вульгаризмами, диалектизмами, профессиональным жаргоном), и авторскими ремарками на письменном языке *бунго*, сложившемся к XIII веку и в XVIII веке уже оторванном от разговорной речи. В "Харусамэ моногатари" и речь героев, и речь от автора основывается на японской лексике, встречающейся как в древнейших памятниках письменности, так и в современном японском языке. Это наиболее устойчивый лексический слой языка. Что касается грамматики, то в "Харусамэ моногатари" попадают некоторые отклонения от нормативной грамматики *бунго*, но их не так много, как в речи персонажей в других жанрах тогдашней прозы. В новелле "Ханкай" речь героев представлена очень широко, однако она не похожа на стенограмму живой разговорной речи, как это бывало в жанрах *сярэбон* и *коккэйбон*. Можно сказать, что Уэда Акинари предложил своё решение насущной для того времени задачи выработки нового литературного языка, соответствующего потребностям эпохи.

Литература

1. Асано Сампэй. Уэда Акинари-но кэнкю. Токио, 1985.
2. Ихара Сайкаку. Избранное. М., 1974.

Памятники культуры Востока

---

3. Кигоси Осаму. Тайва кэйсикки-ни ёру Харусамэ моногатари ров-но кокороми. — Эдо бунгаку, 1990, с. 122-142.
4. Кив Д. Японская литература XVII-XIX столетий. М., 1978.
5. Мельникова И. В. "Заметки ретивого сердца и трезвой головы" как энциклопедия личности. — "Петербургское востоковедение". Вып. 2. СПб., 1992, с. 219-233.
6. Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М., 1988.
7. Морита Киро. Уэда Акинари-но кэнкю. Токио, 1979.
8. Накамура Хироюсу. Акинари-но моногатари ров. — Акинари. Токио, 1975, с. 294-314.
9. Ова Ясухиро. Уэда Акинари бунгаку-но кэнкю. Токио, 1976.
10. Сакаи Коити. Харусамэ моногатари. Ханкай то Суйкодэн то но канкэй. — Акинари. Токио, 1975, с. 217-222.
11. Сато Харуо. Уэда Акинари. Токио, 1964.
12. Сигэтомо Кя. Акинари-но кэнкю. Токио, 1971.
13. Танака Тосикадзу. Уэда Акинари бунгэй-но сэкай. Токио, 1979.
14. Уэда Акинари. Луна в тумане. М., 1961.
15. Уэда Акинари. Нубатама-но маки. — Акинари ибун. Сост. Фудзиви Отоо. Токио, 1929.
16. Уэда Акинари сю. — Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 56. Токио. 1959.
17. Уэда Акинари. Харусамэ моногатари. — "Нихон котэн бунгаку дзэнсю". Т. 48. Токио, 1973.
18. Blake Morgan Young. Ueda Akinari. Vancouver, 1982.
19. Humbertclaude Pierre. Essai sur la vie et l'Oeuvre de Ueda Akinari. — "Monumenta Nipponica". 1940, vol. 3, № 2; 1941, vol. 4, № 1-2; 1942, vol. 5, № 1.
20. Ueda Akinari. Hankai. (Trans. Anthony Chambers) — "Monumenta Nipponica". 1970, vol. 25, № 3-4.
21. Ueda Akinari. Hankai. (Trans. Blake Morgan Young) — "Harvard Journal of Asiatic Studies". 1972, vol. 32, p. 150-207.
22. Ueda Akinari. Tales of the Spring Rain. (Trans. Barry Jackman). Tokyo, 1979.

上田秋成の「樊噲」とう短編
メ-リニコワ、イリナ(ザンクト-ペテルブルグ大學)

本論文は上田秋成の『春雨物語』とその一つの短篇である「樊噲」のロシアでの研究のための入門として考えるれている。『春雨物語』の言者本「春雨」のコンテクストにおける「樊噲」の意義、上田秋成の思想的、學的志向、「樊噲」における日本文學、中國文學の題材の借用、などの問題が検討されている。

Уэда Акинари

ХАНКАЙ

1

Может — нынче, а может — прежде то было. Рассказывают, что в провинции Хоки на горе Тайти Дайгонгэн¹ обитало гневливое божество: ночью — понятное дело, но и днём после часа обезьяны² с горы уходили даже монахи. Те же из них, кто должен был совершать службу, в молитвах до утра не смыкали глаз.

В деревне у подножья горы был трактир, где каждый вечер собирались молодые беспутники и развлекались тем, что выпивали, картёжничали да дрались. Нынче лил дождь, в поле и в лесу работа встала, и они потянулись в трактир уже с полудня.

В компании шли бесконечные разговоры, и один парень хвастал своей силой. Он всем уже надоел, и его в глаза пристыдили:

— Раз говоришь, что так силён, иди ночью на гору, только оставь там знак, а потом возвращайся. Не сможешь — значит трус, хоть и сила есть.

— Мне это нипочём. Сегодня же пойду, и заметку оставлю. Вот вы завтра посмотрите. — Он выпил своё вино, доел закуску, надел соломенную накидку и шляпу, так как на улице моросило, и сразу же отправился. Один из его друзей был постарше других, он покачал головой:

— Напрасно подначили... Бог горы разорвёт его в клочья и по сторонам разбросает, — однако, догнать и остановить он не решился.

А парень этот, Дайзо, и на ногу был скор. Солнце ещё стояло высоко, а он уже добрался до главного храмового святилища, обошёл всё вокруг, осмотрел. Когда солнце склонилось к закату, потянуло вдруг каким-то леденящим сквозняком, зашелестели заросли криптомерий и кипарисов. Однако, хотя совсем стемнело, Дайзо даже возгордился оттого, что был совершенно один в этом безлюдном месте:

— Ничего здесь такого нет. Монахи с горы просто пугают народ.

Дождь перестал, и он снял накидку и шляпу, высек огоньку, закурил. Было совершенно совсем темно, и Дайзо сказал себе: "Пора в храм на самую вершину", — и полез, всё выше и выше, пробираясь сквозь заросли, топчя и разбрасывая палую листву. Он знал, что идти ему ещё около восемнадцати *тё*³.

Добравшись, он огляделся, какую бы метку оставить, и увидел ларец для пожертвований, притом очень большой.

"Вот это и притащу на себе вниз", — так он решил и с лёгким сердцем взвалил на себя ношу.

Но тут ларец задрожал, у него будто выросли руки-ноги, он легко подхватил Дайзо и поднял в небо. Дайзо испугался и завопил: "Спасите, помогите!" — однако ответа не было, они продолжали лететь вперёд. Услышав внизу устрашающий гул волн, он приуныл: не бросят ли его в море? — и тут уж сам крепко вцепился в ящик, как в единственную опору.

Наконец-то рассвело. Божество опустило ящик на землю и вернулось восвояси. Когда Дайзо открыл глаза и окинул взглядом окрестности, он увидел, что находится на берегу моря, и здесь тоже был храм. Храм стоял среди столетних сосен и криптомерий. Человек в высокой шапке эбоси на спутанных седых волосах, в белом одеянии, с утренним жертвоприношением на подносе — как видно, храмовый служитель — окликнул Дайзо:

— Ты откуда явился?

— Я поднялся на большую гору в провинции Хоки и был за то наказан. Бог унес меня сюда, в такую даль, вместе с ящиком для пожертвований, а сам вернулся обратно, — ответил Дайзо.

— Неслыханное дело. Ты глупец и сыграл дурную шутку. Радуйся же, что тебе дарована жизнь. Это ведь край Оки, храм Такухи Гонгэн⁴.

Услышав это, Дайзо разинул рот от удивления и вытаращил глаза:

— Верните меня в родные места, за море! Там у меня родители...

Священник сказал:

— Коль скоро ты явился без дела из чужой провинции, по закону следует выяснить твоё местожительство и вернуть тебя туда. Подожди немного. Сейчас я отнесу жертвенную пищу, а потом ты пойдёшь со мной.

Как следует расспросив Дайзо, он отправился к тамошнему наместнику и заявил:

— Сегодня утром я увидел во сне, будто что-то упало сверху и коснулось моих рук, когда я совершал жертвоприношение, вознося "грузные слова молитвы". Тогда я, будто бы, закрыл двери храма и вернулся домой. Пробудившись, я поспешил в храм, дабы совершить обряд жертвоприношения, и в тени сосен обнаружил незнакомого человека. Когда я осведомился, откуда он, тот ответил: "Я из провинции Хоки. Со мной случилось то-то и то-то, и, сам того не ведая, я

попал сюда". Он просит, чтоб ему позволили немедленно вернуться домой.

Выслушав это, наместник сказал:

— Бог забросил его сюда в наказание. Но раз он не из нашей провинции, то наше ли дело карать его?

Он в тот же день велел отправить Дайзо морем в Идзумо, корабль уже ждал вечернего отлива. Это было судно в восемьсот коку⁵, отнюдь не маленькое и под ветром весьма быстроходное. "И всё же, не так выйдет быстро, как прошлой ночью на крыльях божества", — подумал Дайзо.

Морем расстояние было тридцать восемь *ри*⁶. Пустившись в час дракона, в провинцию Идзумо прибыли в начале часа обезьяны⁷. Пограничные стражи повели дознание, а как услышали, в чём дело, только плюнули — фу, совсем никудышный, — и выдали Дайзо подорожную.

Деревню за деревней миновал он в сопровождении двух охранников, и на седьмые сутки, в час лошади⁸, добрался до родных мест. Его привели к управителю, и тот приказал, учитывая невеликую вину Дайзо, назначить ему пятьдесят палок и передать в руки старосты деревни.

Слух о том, что Дайзо вернулся, достиг дома раньше его самого. Мать и жена брата радовались и в то же время тревожились: "Как же это, всё-таки...". Они стояли у порога в ожидании, когда, наконец, охранники привели Дайзо. Женщины захопотали перед ним: поешь, помой ноги... Отец же сидел перед домашним алтарём, удобно скрестив ноги, и пускал дым, посасывая трубочку. Старший брат собирался в горы на работу: взял секач, коромысло... А уходя, сердито взглянул на Дайзо:

— Удивительно, как ты вернулся живым. Да только тошно мне слушать твои рассказы.

Собрались деревенские дружки Дайзо:

— Теперь-то ты не будешь больше бахвалиться своей силой. Хорошо ещё, что бог не разорвал тебя на куски.

Так они выразили свою радость и ушли. Дайзо же забрался на привычную постель и сладко проспал до полудня следующего дня. "Теперь я во всём буду слушаться родителей", — решил он и стал вместе с братом ходить в лес работать. А люди говорили: "Он вернулся в Идзумо с острова Оки, всё равно как помилованный из ссылки", — и перестали звать его Дайзо, а дали прозвище Тайся-Тайся — Амнистя.

Прошли дни, и Дайзо сказал матери:

— Жизнью я обязан богу горы. Теперь, когда сердцем я чист, хочу ещё раз поклониться ему.

Мать встревожилась:

— Если ты очистился телом и переродился душой, то не всё ли равно, какому богу молиться? Поклонись будде Нёрай, хорошенько справь службу, а уж на гору пойдёшь вместе с братом. — И не отпускала его.

Отец, услышав это, заметил:

— Если бы бог тебя считал никчёмным, то не оставил бы в живых. Сходи помолись, да не мешкай.

Невестка просила брата:

— Сходил бы ты с ним! — но тот посмеивался:

— Батюшка верно говорит. Один иди! Ведь боги и будды уж знают, что у тебя чиста душа. — И не пошёл с Дайзо.

А Дайзо всегда был смелым, он сказал: "Один схожу — помолюсь, да приду," — с этим и отправился. Вернулся быстро, ничего особенного с ним не случилось.

— Пожертвовал монеты, хорошенько поклонился, ну а ещё забрал накидку и зонт, которые с той ночи лежали под деревом, — рассказывал Дайзо.

— Уж больно смел, смотри, чтоб опять тебя не наказали. Люди говорили, что тебя на куски разорвёт. А ты вернулся, и ничего... — Мать радовалась и потчевала его всем самым лучшим.

С той поры Дайзо совершенно переменялся характером: как и брат, он ходил в лес, рубил деревья, носил на себе домой хворост. К радости родителей, он обладал большой силой и приносил хвороста больше, чем брат, так что и заработок был хороший, мать с невесткой им нахвалиться не могли. Так и год закончился.

Нынче не то, что в прежние годы, денег скопили тридцать *кан*⁹, ведь и Дайзо работал. Отец и брат радостно говорили: "Удачный год!" И мать с невесткой тоже: "Верно, верно", — и спшили для Дайзо новое кимоно на вате.

Настал новый год, пришла благодатная весна, и Дайзо опять стал захаживать в прежнее место. Начал играть и всё время проигрывал. Когда с него потребовали долг, тут даже Дайзо испугался и день-два не ходил в трактор. Он попросил денег у матери, сказал ей:

— Хочу сходить на гору помолиться по случаю нового года. Все друзья тоже идут...

— Возвращайся поскорее. Как только солнце к закату — там быть опасно. — И мать пошла в кладовую.

Дайзо за ней:

— Дай побольше, — просил он.

— Ты же говоришь, что пойдёшь на поклонение — зачем тебе много? Вот, этого хватит, — с такими словами она открыла крышку сундука и достала горсть монет, которые лежали россыпью, всего около ста мон¹⁰.

— Возьми и иди, — сказала мать, а под крышкой сундука осталось ещё двадцать кан в связках.

— В новый год всегда играют... Я проигрался. Друзья говорят: плати, — каждый раз требуют. Дай мне на время эти деньги! — Так он говорил матери, и просительное выражение на его лице было неприятным.

— Что ты, что ты! Ведь ты же решил исправиться, разве ты не бросил игру? Власти каждую весну предупреждают: баловство это... Да и богов прогневать можно... Эти деньги сюда твой брат положил. Без его разрешения их и трогать нельзя!

Она собралась было запереть сундук на ключ, но Дайзо, уж такова была его натура, сгрёб мать, не дал ей пошевелиться, крикнул: "Молчи! Не разбуди отца, он спит!" — а сам другой рукой открыл крышку, выхватил оттуда все двадцать кан, мать же затолкал в сундук. Взвалив деньги на плечи и пошатываясь от тяжести, он вышел вон.

Жена брата увидела его и громко закричала:

— Ты куда же понёс деньги? Это муж мой их сосчитал, прибрал... Батюшка, проснитесь! Он опять озорует!...

Выскочил отец: "Ах, ворюга! Ну, этого я тебе не спущу!" — схватил коромысло, бросился во двор и ударил его сзади без всякой жалости. А тот даже не пошатнулся под ударами и с хохотом вышел за ворота.

— Ах, ты негодный! — кинулся вдогонку отец, но Дайзо бежал как бог Идатэн¹¹ и оставил его позади.

— Держите! — несло следом.

А навстречу шёл с работы брат:

— Так ты украл! — Он попытался отнять деньги, но силой не мог тягаться с Дайзо и был отброшен. У отца же ноги были плохие, и он едва подоспел на помощь старшему сыну, схватив Дайзо сзади.

— Не дело старику силой меряться. — И Дайзо свободной рукой притянул отца, поставил перед собой лицом к лицу, а потом толкнул в сторону. Дорога была узкая, и старик покатился прямо в канаву, затянутую льдом.

— Что ты сделал! — закричал старший брат. И пока он выручал отца, Дайзо оказался уже далеко.

А отец недаром был горный житель — он подоткнул мокрое платье и вновь отважно пустился вдогонку.

У переправы через ущелье Дайзо столкнулся с приятелем, и тот его задержал, схватил накрепко. Это был сильный парень, и Дайзо со всей мочи дал ему в лицо, да ещё пнул, чтобы он ослабил хватку. Тот покатился прямо на дно ущелья. Вода в эту пору холодная, и даже сильный человек не сразу выплывет.

— Это ты требовал с меня проигранное, вот я и сбежал с отцовскими деньгами, хотел расплатиться... — Дайзо скатил со скалы большой камень и столкнул его вниз. Камень как раз угодил на выплывшего было человека, и тот вместе с камнем ушёл на глубину, больше не смог выплыть. Отставшие от Дайзо отец и старший брат тем временем нагнали его и кинулись отнимать деньги. Тут уж он совершенно разбушевался, швырнул отца и брата в поток на дне ущелья и, сам не зная куда, побежал быстрее Идатэн. А отец и брат оба зачоченели насмерть.

Шум поднялся на всю деревню, бросились догонять Дайзо, но увидели ловкость Дайзо и повернули к начальству: так, мол, и так, — всё доложили.

— Да, это страшный преступник, — сказал управитель, — его догонят и сурово покарают. Раз он так быстро бегаёт, в нашей провинции его, вероятно, уже нет. — Он велел сделать изображение преступника и повсюду разослать, чтобы его схватили.

— В нашей горной деревушке рисовать бандита некому, можем только описать на словах, — возразил староста.

— Справедливо, — согласился управитель.

И вот было сделано и разослано по всем провинциям подробное описание: "Рост — пять сяку и семь сун¹², лицом словно дьявол, плотный, много говорит".

А Дайзо убежал и теперь был уже далеко, в провинции Цукуси. Некоторое время он жил в гавани Хаката, там ведь много игроков — и Дайзо среди них. Отчего-то ему везло, и он много выиграл денег. Однако и сюда добралось предписание: "Такого-то и такого изловить — как опасного преступника". Даже дебоширы-игроки поняли, что это про Дайзо, и, заметив, как они между собой перешептываются, Дайзо поскорее оттуда скрылся.

"С серебром бежать тяжело", — сказал он себе и бросил все деньги под деревом. У него было пять золотых монет, на них-то он и рассчитывал.

Переодевшись странником, он добрался до гавани Нагасаки и там сошёлся с одной бедной вдовой. Он постоянно играл и всегда был в выигрыше. "Я богат," — говорил он и требовал выпивки ещё и ещё. Пьян он был с утра до вечера, и в страхе от этих бесчинств, вдова

сбежала от него и попросилась в дом свиданий в Маруяма: "Спрячьте меня, мол, — буду у вас швей..."

А Дайзо, когда проспался, стал звать: "Где ты?" — но никого не было.

— Так, значит, ей не понравилось, что я живу, как мне хочется! Она сбежала! Она всегда говорила про какое-то заведение в Маруяма. Туда, наверное, ушла.

Он отправился за ней и стал грубо браниться:

— Отдавайте назад мою бабу...

И хозяин, и обитательницы дома, и гости всполошились:

— Что такое, что? Чёрт явился?

А он распахивал все двери, бесцеремонно совался и туда и сюда:

— Что-то я трезвый, ну-ка я сперва... — И он подбирал там и сям чарки и допивал остатки вина, а закуски хватал и нёс в рот, какую попало.

Мало-помалу он разошёлся и принялся буянить:

— Давайте сюда мою бабу! — Вломился даже в дальние покои, где отдыхал гость-китаец, отшвырнул ширму и плюхнулся на пол, скрестив ноги, прямо перед ним. Китаец, от неожиданности и от ужаса, завопил: "Фань Куай ворвался"¹³! Спасите, я ни в чём не виноват!"

Хозяин, сложив ладони перед грудью, стал уговаривать Дайзо, мол, он ошибся:

— Ваша жёнушка сюда заглянула и потом куда-то ушла, не извольте гневаться. И куда же она скрылась?.. Давайте вместе пойдём поищем! А вот и сакэ!.. — Хозяин принялся его потчевать, и хоть не было там медвежьих пальчиков и страусиных мозолей, но были дары моря и гор, и Дайзо, смягчившись, выпил и закусил.

— А хорошее мне китаец дал прозвище — Фань Куай. Ханкай, значит. Хорошее имя! Так теперь и буду называться, — радовался он.

Но вот рассвело. Тут явилось не то четверо, не то пятеро дюжих молодцов-стражников, и они потребовали:

— Подайте нам-сюда Дайзо из провинции Хоки, который убил своего отца и брата. Мы его повяжем.

Дайзо ничего не оставалось, как пустить в ход свою отвагу. Он вскочил и сделал вид, будто случилась ошибка: "Я отца не убивал!" — а сам выхватил палицу у первого же стражника, и давай без разбору раздавать удары направо и налево. Схватить его не сумели, и он убежал.

А деваться было ему некуда: спал в поле, прятался в горах, — и так занемог, что заполз под скалу и лежал там. Но хотя он прямо-таки

волком выл, прохожие люди питали к нему лишь отвращение, и никто не подошёл взглянуть, что с ним.

Мало-помалу жар стал спадать, но ведь он всё это время ничего не ел, и ноги его не держали. Он выполз на дорогу, ожидая, что кто-нибудь пройдёт, и когда настала ночь, прохожий появился. При свете луны он услышал стоны Дайзо и спросил:

— Кто это там?

— Я странник, заболел и лежу здесь уже несколько дней. Хотя я понемногу начал оживать, с голоду ноги не держат. Дайте поесть!

Засветив огонь, прохожий посмотрел на Дайзо: похож на чёрта, весь оборван, спутанные волосы висят. И всё просит: "Дайте поесть!" Но всё же это был человек, и, имея некоторый умысел, прохожий решил ему помочь, а потому достал из дорожного мешка варёный рис и протянул.

Дайзо — только давай — совал всё в рот и с чавканьем поедал. Насытившись, он сказал:

— Я у вас в неоплатном долгу. Обещаю непременно отслужить.

Путник рассмеялся:

— Забавный ты человек. Что ты можешь, когда так опустился? Разве только воровать? Ну, будь у меня под началом, вот и заработаешь на жизнь.

Тут уж расхохотался Дайзо, он был очень обрадован:

— Ах, господин грабитель! Вот славно, что мы повстречались. Я — игрок, и удачливый, только вот забрался в эту глушь... По мне, что играть, что воровать — едино, всё грех. Только вот, когда в игре счастья нет, силу в ход не пустишь, а для грабителя кулак — всегда прав.

— Да ты храбрец! Уж не ты ли тот парень из Хоки, который убил своего отца и старшего брата?

— Так и есть. Вот и обхожу людей стороной, нет мне покоя. Если же ты меня берёшь, и мы будем вместе промышлять в горах и на равнинах, то это мне подходит, очень подходит. — Он был совершенно доволен.

— Нынче вечером здесь пройдёт обоз, лошади навьючены тяжёлой поклажей. Мороки не будет — при грузе один лишь пеший охранник, старик. Мы нападём на погонщиков лошадей и прирежем их. Похоже, что они везут и золото, мы хорошо заработаем. Пусть это будет твоим почином, покажи себя!

— Ну, это очень просто. Только давай вначале спустимся с горы и выпьем сакэ, чтобы сил прибавилось.

— Давай, я тоже замёрз.

С такими речами они спустились приблизительно на десять *тё* и постучались в двери постоянного двора.

— Мы бы купили сакэ... — сказали они.

— Ну-ну, — ещё только смеркалось, поэтому хозяин согласился, и им отперли дверь.

— Давай хорошего сакэ, рыбы и ещё чего-нибудь, всё равно, — торопили они.

— С ночных прохожих берём плату вперёд... — На это они протянули хозяину золотой.

Тут хозяин вскочил: "В соседнем доме был варёный тунец..." — и побежал просить, пока подогревалось сакэ. Им подали также улиток и горячий суп с соевым творогом.

— Чудесно! — И оба, насытившись, отправились. — Пока не совсем стемнело...

Хозяин же:

— Высокий-то — грабитель! А с ним, наверное, помощник. Хотя его я вижу впервые... — А потом доел остатки рыбы, допил сакэ и лёг спать.

А двое горных разбойников только-только притаились в тени зарослей: здесь, мол, в самый раз, — как послышался перезвон конских бубенцов.

— Не зевай!

— Да ведь с пустыми руками!.. — И Дайзо вывернул с корнем сосну высотой более одного *дзё*¹⁴ и принялся ею напоказ размахивать.

— Ладно, ладно — сильный!

Стук лошадиных копыт был уже совсем рядом, и, не говоря ни слова, Дайзо размахнулся сосновым стволом и свалил погонщика вместе с лошадью. Старый охранник только охал, он уже забыл, как вытаскивают меч из ножен, и потому в страхе пустился бежать.

— Тошная шея! — Дайзо настиг его и столкнул в ущелье, где поглубже. — А клячу залягаю, не доводилось прежде! — И он изо всех сил принялся топтать ногами конскую утробу. С громким ржанием лошадь издохла.

— Не моими руками распутывать верёвки! — Он одним махом разорвал вьючные ремни. Каково, мол?

— Отлично, хорошая работа. — Предводитель распаковал грузы и принялся их осматривать. Как он и предполагал, в одном свёртке была тысяча золотых.

— А что будем делать с остальным?

— Вон, лошадка плачет, ей холодно. — И, забавы ради, оставшимся добром они забросали лошадь.

С горы спустились, как на крыльях. Была ещё тёмная ночь, когда они прибежали на берег моря.

— Волны набегают¹⁵! Вы у берега? — Кто-то ему отозвался, и к берегу подошла лодка с навесом из мисканта. Из неё вышли двое людей и спросили:

— Как ночь прошла?

— Хорошего парня нашёл, и добыча хорошая. Это надо отпраздновать.

— Ну-ну. Мы тут наловили кой-чего на закуску. — И они тонко напластали сырую макрель и окуня.

Новичок заявил:

— Я зовусь Ханкай. Отныне считайте меня кровным братом. — Опрокинул подряд две или три чарки, а потом, с довольным видом, запустил пятерню в свои спутанные волосы.

— Судьба же нам была с ним повстречаться! — даже разбойники дивились, сколько он ел и пил.

А Ханкай сказал:

— Я ведь до сих пор не знаю имени нашего главаря...

В ответ он услышал:

— Меня зовут Мурагумо. Когда-то я занимался борьбой сумо. За драку был наказан — хоть и невелика вина, но присудили высылку. Возвращаться в родную деревню, в глубинку, было очень тоскливо — я стал жить разбоем, бродяжничал... За эти три года я жил в горах, плавал по морю. Отнимать у людей их богатство оказалось очень легко. Я не бывал на востоке страны, а здесь, в этом море¹⁶, обошёл все берега — был и в Санъё, и в Цукуси, и в Иё, и в Тоса, и в Сануки, властям же в руки не давался. Мы сейчас в провинции Иё. Истратить наше достояние, эту тысячу золотых, здесь не на что. Отправимся в Нигитадзу, на горячие источники, там и отдохнём до весны. Там хорошее вино, вкусная морская снедь...

Когда рассвело, они пристали к берегу.

— Вы, двое, выждите пару дней и плывите на ту сторону залива, побудете там до весны, чтобы никто вас не опознал. Денег вам дам, не вздумайте воровать! Прикиньтесь торговцами и ждите, пока я не появлюсь в гавани Сикама, — с этими словами главарь разделил добычу и отправил лодку. Дал он сто золотых рё и Ханкаю.

В Нигитадзу Ханкай и Мурагумо спросили:

— Откуда вы, и что за люди?

Они отвечали:

— Мы здесь, чтобы пройти по следам великого учителя Кобо Дайси¹⁷. Только вот, пока стоят холода, мы побудем на горячих источниках. А потом двинемся.

— Да, и святого Кобо Дайси порой славят такие, что дела бы с ними не стоило иметь ... — подумал хозяин гостиницы, но всё же пустил их на несколько дней.

Ханкай — имя громкое. Если бы всплыли прежние дела, его схватили бы в любом месте, куда ни пойдешь. Он подумал, не прикинуться ли монахом.

На вершине близлежащей горы был храм, и Ханкай пошел посмотреть, кто там есть. Там оказался старый согбенный монах. Едва слышным голосом он шелестел своё "Наму Дайси".

Ханкай ему рассказал следующее:

— Сам я из столицы. Вместе с матушкой мы совершали паломничество к храмам острова Сикоку. Вчера мы плыли на корабле, да матушка оступилась и упала в море. Я стал звать на помощь, но корабельщики сказали, что дно в тех местах глубоко, и водится там рыба по прозванию вани, что пожирает людей. Матушку она, наверное, уже проглотила, так что сделать, мол, ничего нельзя. Я хорошенько подумал: отца у меня нет, а старший брат строгий — если вернусь домой без матери, он меня выгонит. Сын, не знающий никакого ремесла, идет в монахи, вот и подумал я всё же обойти святилища вероучителя Кобо Дайси на Сикоку, а потом пуститься в странствие по всем шестидесяти шести провинциям. Мои волосы лишь докучают мне — отрежьте их! И дайте мне старую рясу... — Ханкай протянул священнику один золотой из тех ста, что дал ему Мурагумо.

Священник, который никогда не знал иного золота, кроме жёлтых весенних цветов, принял столь почтительно поднесённый дар и сказал: "Приступим к посвящению в таинства закона". Но Ханкай возразил, что с него довольно повторять: "Дайси Хэндзэ Конго"¹⁸, — мол, остальное слишком нудно, — и сложив ладони, заблажил во весь голос. Когда ему обрили голову, он очень обрадовался, что голове стало легко. Затем его облачили в дырявую рясу мышьиного цвета, которую откуда-то достал священник. Хоть и временное это было одеяние, но уж очень тесное, руки едва продевались в рукава. Однако, Ханкай сердечно за него поблагодарил, и покинув храм, вернулся в гостиницу на источниках. Он очень спешил, ведь Мурагумо его уже, наверное, заждался.

А Мурагумо, как увидел его:

— Ну и ну! Знатный монашек получился! Только я тебе куплю другое платье. — И, посоветовавшись с хозяином, заказал ему такую же серую рясу, но только пошире.

— Теперь по росту, да только ты народ перепугаешь. Уж в дороге-то держись бочком, сожмись комочком... Надо ещё тебе сундук для сугр купить!

— Не надо. Что мне туда класть? А Будда со мной. Дайси Хэндзё Конго!

Посмеявшись, Мурагумо сказал:

— Ладно, не вечно нам здесь сидеть. — И наняв судно, они поплыли в землю Харима, что по ту сторону залива.

— В Сикама у меня тётка, сначала к ней, — сказал Мурагумо. И вот, они уже заходят в ворота:

— Как, тётушка, живёшь?

— Тебя долго не было, у меня и рис, и денежки повывелись. Давай гостинцев, да побогаче. — Тётка вскочила и побежала за вином.

Дней двадцать они жили тут.

— Я ещё не бывал на востоке страны, пойду погляжу, — надумал Ханкай, и взвалив на спину узелок, надел широкую шляпу странника, подоткнул повыше тесный наряд и стал прощаться.

— На горной дороге к востоку от столицы есть деревня Аусака, там в каждом доме рисуют и продают картины. На одной из них демон с молитвенным колокольцем распевает "Наму Амида". Ну, вылитый ты! — рассмеялся Мурагумо, и прощание вышло весёлым.

Если под хмельком, после пирушки, выйти на большой тракт, люди могут приметить и заподозрить, поэтому Ханкай решил держать путь через горы. Шёл он да шёл, и вышел на голую равнину, а уже смеркалось. Попроситься бы на ночлег — да некуда. Только вот — какая-то хижина:

— Пустите на одну ночь!

Хоть и страшным казался этот монах, а может, и разбойник, но брать в доме было нечего, потому в ответ донеслось:

— Заходите! Завтра поминальный день по мужу-покойнику, так сын пошёл к храму Всех Святых¹⁹ купить рису. Почитаете у нас сутру, поставите на алтарь ритуальные кушанья...

Ханкай с радостью согласился, поскорее протиснулся в хижину и уселся у огня, грея руки и ноги:

— Тепло возле жаровни!

— Есть у нас нечего, подождите, пока сын вернётся, — сказала хозяйка и предложила сваренный в солёной воде батат.

— Что ж, набьём живот хоть этим. — И Ханкай принялся уминать всё, что ему подали, только повторял: — Вкусно, вкусно!

Тут как раз зашёл человек, который назвался соседом, — мол, дом его напротив, через реку Таникава. С ним был ещё торговец.

— Ваш сын вернулся? Вот — торговый человек, для меня сюда ездит. Я рассказал ему, что у вас есть эти жёлтенькие вещицы, золото вроде... Ну, а он говорит, мол, золото редкость, а есть, мол, ещё су-

сальное золото, Такое, якобы, продают в Осака весной на праздник Эбису, а в Киото в храме Курама, в первый день Тигра²⁰. Это подделка, и ваше золото надо тоже хорошенько рассмотреть. Мы отложили палочки для еды и прямо от ужина пришли к вам, — рассказал сосед.

— Куда же сын его положил? Может, отдал кому-нибудь, раз оно ничего не стоит? — Пока старуха искала, пришёл сын с мешком риса на спине.

— Я позвала к нам священника. Давай-ка сделаем поминки и угостим его. Помой рис, я сварю.

Разводя огонь, она продолжала:

— Покажи-ка это жёлтое золото. К соседу купец приехал, он уж давно здесь дожидается.

— Да вот оно. — И сын достал из-за алтаря свёрток в рваной бумаге. В прорехах что-то поблескивало, — это было самородное золото.

Монах глядел на торговца так пристально, что тот побоялся соглгать:

— Золото настоящее. Могу дать за него две связки денег. Если рисом, то сейчас у меня нет при себе. Могу сходить на рынок у храмовых ворот — на три мерки риса²¹ обменяю.

Ханкаю это опротивело:

— Деньги и у меня есть. Я побродил по стране, знаю цены, что почем. За это золото следует давать целый коку²² риса, а если деньгами, так семь кан.

Натолкнувшись на такое препятствие, торговец не нашёлся с ответом, а лишь пробормотал: "Кроме как на свои товары, я цен не знаю...", — и выскочил вон.

— Этот торговец хоть и не вор, а не будь меня, ограбил бы вас. Нельзя показывать людям золото! Да, вот вам ещё золотой за ночлег, — с этими словами Ханкай протянул деньги.

Те монеты, что были из его ста рё, потускнели от употребления, а самородки и в этой бедной хижине блестели так, что резало глаза.

— Завтра опять приготовим рис и батата наварим для монаха. Всего за одну ночь дал золотой!

Здесь, в стороне от людских поселений, они всё ещё жили, как при императоре Фу Си²³.

Проснувшийся ещё до света, некий дровосек, проходя мимо дома, услышал, как Ханкай зычно распевает своё "Наму Дайси", и пошёл взглянуть:

— Уж не демон ли влез в эту хибару? Такой страшный рёв! Монах, да какой видный! Надо позвать его помянуть родителя. — И пошёл себе дальше.

А Ханкай после такой удивительной ночи тоже засобирался в дорогу. Прощались с ним горячо:

— Приходите к нам опять! А мы уж припасём травы из бухты Акаси, и грибов, и соевого творога — всего купим на площади возле храма Всех Святых.

Кивая в ответ, он вышел вон. Скорый на ногу, он миновал равнины и горы, и в тот же день к вечеру пришёл в Нанива. Ханкай слышал, что Нанива — главный в Японии порт, сюда приходят корабли отовсюду. Кто-нибудь мог и узнать его, поэтому он не стал проситься на ночлег, а уснул прямо среди поля под воротами храма.

Его разбудило пение птиц. Тогда он снова надел свою широкую соломенную шляпу, взял посох, и стараясь держаться незаметно, пошёл через торговые кварталы.

Однако, толкотня и суматоха и тут грозили опасностью. Он не смог полюбоваться ни храмом Сумиёси, ни святилищем Тэннодзи, и миновав провинции Кавати, Идзуми и Ки, едва взглянув на красоты Ямато, пришёл в столицу Киото. Здесь было не так шумно, как в Нанива, но глаз чужих хватало, и он решил в эту зиму затвориться среди снегов Микоси, а весной обойти восточные провинции.

Когда странствуешь подобным образом, торопиться некуда, но его душа всё время была в смятении. Скользнув взглядом по глади озера Бива, которое тянулось справа, он двинулся попытать счастья в Микоси.

2

Спросив дорогу к морю, к бухте Цунуга, Ханкай решил, что ночь, как говорится, "дивная", и раз так, этой же ночью пошёл через перевал Арати, служивший границей двух провинций.

Там, на большом камне, сидел какой-то коротышка, который, его окликнул:

— Эй, монах! Куда идёшь? Кажется, в твоём мешке что-то есть? Дай на вино!

За спиной Ханкая тоже уже стоял человек — этот вцепился в его заплечный сундучок:

— Да у этого отца святого денег полно! — Вид у него был: просто так, мол, не уйдёшь!

Ханкай опустил на землю сундучок:

— Денег у меня хватает. Хочешь взять — бери! — И присел слева от скалы, достал кремь, закурил.

— Монах-то храбрый парень! — заметил человек, пересчитывая деньги в сундучке. Там оказалось восемьдесят рё.

— Бери, бери! Да разделите их честно! Я часто дарю деткам цветочки... — хохотал Ханкай.

— Вот мерзавец! — крикнул один из людей и попытался пнуть Ханкаю, но тут же был опрокинут навзничь. Второй схватил Ханкаю за руку, но Ханкай сгрёб его и прижал к себе, как грудного.

— Воровать собрались? Это с вашей-то сноровкой! Сколько же вы протянете? Идите лучше ко мне на службу. Столько денег, как теперь у меня, всегда сможете иметь. Ты, мальш, — как маленькая обезьянка, я буду звать тебя Мартышка. Ну а ты нынче ночью — что тот котелок, который при ясной луне сел на гвоздь. Да ещё морда у тебя такая... Ты будешь Луна. Сам я прикинул хорошенько и в эту зиму решил спрятаться в снегах, отдохнуть. Давайте, ведите меня куда-нибудь в хорошее место.

Они были уже в провинции Кага, поэтому напарники предложили:

— В местечке Яманака, на горячих источниках, люди гостят до самой весны. Можно пожить там, полюбоваться снегом ...

Они показали дорогу, и все вместе остановились в гостинице. Хозяин знал: эти двое воры, — но удостоверившись, что монаха они слушают, точно дети, пустил их. На монаха можно было положиться, что он им не позволит озорничать.

А снег шёл каждый день. "Ну и метёт же нынче!" — говорили постояльцы. У одного священника из горного храма была с собой флейта *сё*²⁴, и он частенько развлекался игрой на ней. Ханкай слушал с интересом и однажды попросил: "Научите меня!".

Священник и рад — хорошо ведь завести товарища! — первым делом обучил Ханкаю мелодии "весенняя радость". От рождения наделённый слухом и умением правильно подбирать тона, Ханкай ещё и грудью был широк, флейта у него пела громко.

— Этот ученик — суцая богиня Мёонтэн²⁵ в дьявольском обличии, — восхищался наставник.

— Среди слуг небесной девы, наверняка, были черти вроде меня, — расхохотался Ханкай, и в эту минуту он действительно казался таковым.

— Ну что ж, зимнее моё затворничество было нескудным, — сказал священник. — Однако, мне пора побывать в своём храме, подготовить всё к встрече весны. После я ещё вернусь сюда. Может быть, научить тебя ещё одной мелодии? — спросил он, но Ханкай учиться отказался:

— Нет, моя душа полна и одной песней. А разучивать ещё мелодии — слишком докучно.

— Ну, тогда непременно приходи весной к нам в горы. Надо же, сущий бодисатва Мёонтэн! — с этими словами священник ушёл.

А Ханкай отправил Луну вслед: "Проводи-ка его, как полагаются!" Он велел поднести священнику золотую монету, завернутую в бумагу, где было написано: "В благодарность за единственную мелодию".

Так и вернулся священник к себе в горы с неожиданным дорогим подарком. А Ханкай даже в горячие источники залезал с флейтой — поднимет её повыше и играет себе.

Снегу намело так много, что постояльцы все разъехались. Ханкай заскучал:

— А нет ли где места поживее?

— В селении Авадзу тоже есть горячие источники. Это невдалеке от замка Кага, поэтому людей там собирается множество.

— Раз так, переселяемся туда. — И душевно отблагодарив хозяина гостиницы, они покинули Яманака.

На новом месте было гораздо оживлённей, поскольку люди сюда стекались из всех провинций. Ханкай и здесь услаждал себя мелодией "весенняя радость" с утра до ночи.

— Какое удивительное звучание! Да и приверженность к одной единственной мелодии тоже редка... Сыграю-ка и я на флейте *ёкобуэ*²⁶... — Один человек из замка, гостивший там же, достал свою флейту и тоже вступил.

— До сей поры мне не приходилось слышать столь чистого тона и мощного звучания. Не погостите ли вечерок или два в моём доме? — предложил он Ханкаю и на следующее утро прислал за ним своего человека.

Когда они пришли, то увидели высокий просторный дом — хозяин, должно быть, имел достаток.

— Мартышка, хорошенько примечай. В этом доме скоплено много добра, — распорядился Ханкай, а самого его пригласили во внутренние покои. Пришёл ещё один гость, который играл на свирели "хитирики", и они вместе несколько раз сыграли "весеннюю радость". Этот человек тоже одобрительно кивал головой: "Удивительное звучание!"

— Святой отец ведь, кажется, из секты Икко? На горячих источниках я заметил, что Вы ни от каких блюд не отказывались... — Хозяин принялся потчевать гостей сакэ и разной закуской, варёной и жареной.

Подвыпив, Ханкай был в ударе, и снова вынул флейту и исполнил свою мелодию несколько раз подряд. Ему внимали без усталости:

— Вам, вероятно, так удаётся эта одна мелодия в соответствии с учением секты Икко: "Всею душой — к единому!"²⁷.

Миновал первый месяц года, и на третий день второй луны они покинули этот дом. Отправились на побережье полуострова Ното, но прослышав про тамошние холода, решили: "Ладно, про куликов Ното, что кричат на скалах "Многие лета!"²⁸ мы и так всё знаем, а вот поглядим-ка, какова преисподняя²⁹, которая, говорят, находится в здешних горах". — И полезли в горы.

Поднялись высоко, туда, где ещё лежал глубокий снег.

— А где здесь преисподняя? — спросили они у двух прохожих, но те в ответ:

— Страх-то какой! Мы там не бывали ...

Не жалея ног, они кружили по горам и долинам, однако ничего удивительного не встретили.

— Слышал я, что всё это байки, но думал, может... — И Ханкай смахнул с камня снег, чтобы передохнуть.

И тут перед ними явилось несколько тенеподобных существ, злобных на вид.

— Наверное, это голодные духи. Покормим их! — Достав всё, что у них было в дорожных мешках, они отдали это духам. Духи толпой накинулись на еду и с радостью её пожирали, когда Ханкай достал свою флейту и громко заиграл. Духи в испуге сгнули.

— Не зря мы совершили паломничество в горы! — И они повернули обратно.

На реке Дзиндзугава мост был наплавной, и хотя таял снег и уже настало половодье, можно было стоять на середине реки и любоваться редкостным зрелищем. Вдруг они заметили, что с горы Татэяма прямо на мост несёт большое дерево, вырванное с корнем.

— Славная будет трость! — сказал Ханкай, и с лёгкостью подцепив бревно, пошёл с ним по мосту, так что тот заскрипел.

Затем они отправились взглянуть на плавучие острова в Онума и по дороге встретили Мурагумо.

— Ну, как дела? — бросились они расспрашивать друг друга.

— Наше пристанище в лодке обнаружили. Я был ранен, но сумел уйти живым, — рассказал Мурагумо.

— А я провёл зиму в снегах Микоси. Был на горячих источниках в Яманака, но у меня там так размякли руки-ноги, что я решил снова пойти бродить.

Ханкай приказал своим спутникам ждать его в гостинице у подножья горы, а сам, вдвоём с Мурагумо, отправился выше в горы. Наконец, пришли: среди обширной топи радостно гомонила водошлывающая птица, а на поверхности колыхались два плавучих островка. За-

метив, что один из них начинает удаляться от берега, Ханкай вцепился в него и закричал:

— Полезай скорей! Прокатимся!

Но как только Мурагумо прыгнул на островок, Ханкай изо всех сил оттолкнул его от берега.

— Что ты делаешь? — кричал Мурагумо, но Ханкай молча достал флейту и громко заиграл "весеннюю радость". И хотя Мурагумо продолжал кричать: "Что ты! Зачем!" — Ханкай ничего не отвечал, только хохотал, а потом повернулся и ушёл.

На следующий день рано утром, выходя из ворот гостиницы, Ханкай столкнулся с Мурагумо.

— Ах ты, неблагодарный! Я пощадил твою жизнь, дал тебе сто золотых! Ты забыл, как обещал почитать меня за отца? Толкнул меня в воду! Такое не прощают, только потому, что есть у меня задумка... — Он всё же пошёл вместе с Ханкаем.

Они пришли в некий призамковый город. Луна рассказал:

— Это владения князя такого-то. Провинция богатая, людей проживает множество. Вот, например, дом — князю они родня, но нынче опустелись до простых горожан, зато и разбогатели. Говорят, на всём севере Японии нет им равных.

А дом был обнесён высокой каменной оградой, сиял белыми оштукатуренными стенами. Заглянешь в большие ворота — за ними просторно ...

Ханкай сказал:

— С той поры, как я назвался грабителем, я ни разу не взял чужого. Попробуем нынче ночью влезть в этот дом!

Для начала они обошли всё вокруг и нашли винную лавку. Ханкай потребовал:

— Погрейте сакэ! Для четверых я покупаю полную мерку. — И уплатил деньги вперёд.

Хозяин был удивлён количеством заказанного сакэ, но раз уж ему заплатили, велел подогреть и подать сакэ. Когда гости спросили закуски, им сказали, что имеется дичь и предложили жаркое из крольчатины. Они напились и наелись досыта, а тут и солнце зашло.

— Ну, пора! — И они вновь пошли к тому дому. В лунном свете дом казался ещё выше и ещё великолепнее, чем когда они смотрели на него днём. Они стали прикидывать, откуда удобнее в него проникнуть.

Ханкай сказал:

— Вон там виднеется, похоже, кладовая для серебра и золота. Она не под одной кровлей с домом, но туда ведёт крытый коридор. Мартышка, ты лёгкий, давай-ка лезь!

Встав под высокой оградой, он посадил Мартышку к себе на плечо, так, чтобы тот мог ухватиться за ветку сосны, которая росла во дворе дома.

— Спустись по стволу во двор и сними запоры, — велел Ханкай.

Мартышка спустился, как ему велели, и стал пытаться отпереть ворота:

— Здесь не один запор. Ещё тяжёлая железная цепь, мне её не убрать... — послышался изнутри его голос.

— И камни в стене людьми положены, и цепи навесили человеческие руки. Ты же называешь себя разбойником! Неужто тебе по силам лишь подбирать то, что валяется под ногами?.. Луна, спускайся и ты по сосне! Поможешь Мартышке! — И Ханкай подставил Луне плечо.

Луна тоже влез во двор, уцепившись за ветки. Однако, сил двоих было недостаточно, чтобы снять цепь. Прошёл уже час, и Ханкай, разозлившись, засунул руку в зазор между большими камнями ограды, и — "Эх-эх!" — вывернул один валун.

— Мурагумо, давай за мной! — и Ханкай полез в пролом.

То, что они приняли за кладовую, было построено крепко, и надо было подумать, как и с какой стороны туда пробраться. Через некоторое время Ханкай сказал: "Знаю!" — и по столбам крытого перехода забрался на его кровлю, а оттуда птицей перемахнул на крышу кладовой. Сверху он закричал:

— Вы, двое, тоже забирайтесь по столбам! Сюда, на крышу, вам, пожалуй, не влезть... Вот, держитесь за мой посох! — И опустил посох вниз.

Двое были вору — тощие, легкие, они влезли на крышу галереи, а оттуда при помощи посоха он втянул их на крышу кладовой.

Ханкай сбросил четыре или пять черепиц, легко, словно бумагу, оторвал доски настила, прибитого к потолочным балкам, схватил двоих за шиворот и опустил вниз. "Хоть бы сюда сейчас не сунулись... А кто пойдёт — тот лучше возвращайся назад!" — подумал он.

Была уже глубокая ночь, и хотя они наделали шума, никто не проснулся и не пришёл, так как помещения, где спали обитатели дома, были далеко.

Ханкай высек огонь, поджёг конец верёвки и опустил вниз. Двое смогли осмотреться: действительно, это была кладовая. Они спустились со второго этажа по приставной лестнице и увидели сундуки с золотом и серебром, которые громоздились один на другой. "Берём золото!" — решили они, и взвалив на спину один, затем другой сундук, полезли на второй этаж... — А как быть дальше?

Ханкай крикнул им:

— Нет ли там какой-нибудь верёвки?

Они посмотрели и нашли смотанный пеньковый канат:

— Вот, есть!

— Тогда пусть один из вас обмотается концом верёвки и лезет по опорам на крышу.

Мартышка как следует обвязал себя канатом, а Луне велел за-тащить лестницу на второй этаж и приставить к стене. Забравшись по лестнице до самого верха, он карабкался изо всех сил, оставалось ещё чуть-чуть! Тогда Ханкай снова протянул ему посох и вытащил его.

— Поднимать будем на канате. Привязывай! — велел Ханкай Луне.

— Сейчас попробую! — Луна как следует обвязал оба сундука.

— Ну, давай! — Ханкай втащил их с лёгкостью, словно ведра из колодца. Когда заглянули в сундуки — там оказалось две тысячи рё.

Ханкай вытянул наверх Луну, а потом снова обвязал сундуки верёвкой и спустил их с крыши кладовой вниз — прямо в руки Мурагумо. Затем он помог двоим перебраться на крышу галереи, а сам, в каком-то порыве, спрыгнул на землю прямо с крыши кладовой. Причём Ханкай нисколько не ушибся, а тут же взвалил себе на спину сундуки. Через лаз в стене все четверо выбрались наружу.

— Ханкай орудовал так, будто ему не впервой! — говорили все. А Ханкай достал из сундуков золото и сказал Мурагумо:

— Когда-то ты дал мне холодного риса и сто золотых, а теперь твердишь, что я тебе жизнью обязан. Вот, возьми... Здесь тысяча рё сто монет — это ещё те, остальное — плата за холодный рис. Теперь пятьсот рё этим двоим, и ещё пятьсот я возьму себе.

Так и Мурагумо признал верх за Ханкаем.

Когда рассвело, они были уже далеко от города. Ханкай сказал:

— Если мы пойдём вчетвером, нас могут заподозрить. Вы двое идите в Эдо. А ты, Мурагумо, что собираешься делать?

— Я до сих пор ещё не видел окраинных земель Цугару. Пошли?

— Я как раз об этом думал.

Все вместе они зашли в питейную лавку пропустить по чарочке на прощание. Ханкай там совсем захмелел:

— Китайцы, говорят, когда расстаются, ломают ветки ивы... А ну-ка! — и он, крякнув, выдернул с корнем старую иву, которая росла там же, у реки. — А теперь что с ней делать? Не знаю... — и он бросил дерево прямо посреди проезжего тракта.

Хозяин заведения был так этим напуган, что ничего не сказал. Друзья напились допьяна и двое из них ушли в Эдо.

Мурагумо сказал Ханкаю:

— Мне неловко, что я получил тысячу рё. Я верну половину...

Но Ханкай не взял:

— Что я буду делать с такими деньгами? Если ты голоден, всё просто: берёшь еду и ешь. Ну, а копь пуст карман, отнимаешь чужое. Иметь слишком много — лишняя морока.

Оба они упрятали свои деньги в соломенные кули, взвалили их на спину и отправились.

Солнце уже склонилось к закату, а они всё ещё не набрали на селенье, где бы можно было заночевать. На вершине холма они заметили ветхую молельню, пошли туда и попросились на ночлег. Молодой, болезненного вида монах отвечал им:

— Здесь уже есть постояльцы. Мне даже нечего дать вам поужинать. Идите дальше, через двадцать тё отсюда есть большой постоялый двор.

— Да мы можем и не ужинать, и без постелей обойдёмся. Но уж позвольте остаться у вас на одну ночь! Всё лучше, чем заблудиться в незнакомых местах... — Они настояли на своём и вошли.

Из-за рваной ширмы в глубине помещения слышался кашель, видимо, там был человек. С улицы вошёл слуга, снял с плеч мешок: "Вот, рис принёс".

Ханкай с Мурагумо тут же предложили ему золотой:

— Мы хорошо заплатим, продайте этот рис нам!

Но настоятель храма сказал:

— Нет, это для гостя, не продаётся ни за какие деньги. Пусть один из вас сам сходит на постоялый двор и купит, а за этим рисом посылал другой господин.

Двое поняли, в чём дело, и пройдя в ту часть помещения, которая была застлана циновками, заглянули за ширму — там оказался самурай лет пятидесяти. Он засмеялся:

— Какие крепкие молодые люди! Проходите сюда. Как говорится, побеседуем за полночь. Настоятель — мой племянник. Он вечно болеет, да и робок... Сейчас мой слуга сварит рис. Я поделюсь, зачем вам стряпать отдельный ужин...

Эти приветливые слова успокоили двоих, они закурили и, потягивая кипяток, разговорились.

Самурай заметил:

— Святой отец сущий здоровяк, и взор у него грозный, а у высокого господина на лбу заметны два шрама от меча... Вы предложили золотой за жалкую горсть риса, хотя совсем не похожи на богатых и

знатных путешественников. Вы бесшабашные игроки? Или бродяги, промышляющие разбоем?

Мурагумо ответил:

— Мы воры. Прошлой ночью нам повезло, и теперь в наших соломенных тюках полно золота. Но слишком много денег — обуза, вот и проматываем на что попало...

— Это и видно. И мужественный господин, и монах сущие разбойники. Скитаетесь без пристанища, и жизнь для вас — что горсть придорожной пыли. В эпоху смут вы могли бы, взяв себе геройские имена, командовать целыми провинциями и держать врагов в страхе. Отважные вы люди! — сказал самурай.

Ханкай на это возразил:

— Хоть мы и воры, жизнь нам дорога. Богатства достаются легко, а жизнь сберечь трудно. Если ты знаешь, где украсть такую судьбу, чтобы жить сто лет — научи!

Самурай долго смеялся:

— Неужели вы думаете, что те, кого вы ограбили, не сердятся? Власти всегда готовы схватить таких, как вы. Постоянно воруя, убивая людей, вы едва ли получите в награду долголетие. Я слышал такое: "Вор знает свою вину и не может вернуться к добрым людям, смолоду помня, что кара неизбежна". Вы не согласны? Да, во времена смут вы были бы герои. Но в стране давно уже порядок, и грабителей казнят. Даже если вы оставите эти дела — раз зло совершено, вас в конце концов схватят. И кого вы тогда обманете пустыми словами?

Ханкай это рассердило:

— Силы у меня хватают. Уже не раз меня пытались поймать. Если суждена мне небом долгая жизнь, я сумею вырваться, хотя и виновен.

А Мурагумо прибавил с насмешкой:

— Ты уже стар, тебе следует молиться о возрождении в раю. Настоятель, говоришь, твой племянник? Значит, повезло: "Один сын в монахи — девять сородичей в рай". Обратись-ка лучше к Будде, раз уж заночевал нынче в храме.

— Хоть и стар, я самурай. Служу своему господину и молюсь лишь о том, чтобы исполнить этот долг. Длинна ли будет моя жизнь, или коротка — в этом я полагаюсь на небеса. А кто хочет прожить сто лет, тот всегда убегает и прячется, и нигде ему нет покоя — так не всё ли равно это, что ранняя смерть?

— Браниться на словах — пользы мало. Покажи, как ты верен самурайскому долгу! — И Ханкай размахнулся, чтобы ударить самурая по лицу. Но удар был перехвачен, и Ханкай оказался на полу.

— Ах, ты мастер? — Ханкай вскочил, пытаясь пнуть противника ногой. Но самурай схватил его ногу, бросил его на этот раз на бок и с криком: "Э-э...", — сильно ударил под рёбра. После этого удара Ханкай не смог встать.

На смену поднялся Мурагумо. Он хотел ударить самурая монашеским посохом, но промахнулся, и правая рука его была схвачена так, что он не мог ею шевельнуть.

— Судя по шрамам на твоём лице, ты незадачливый грабитель и частенько попадал в переделки. Ну, попробуй, выгаци руку! А ведь у властей много таких людей, как я, им легко будет поймать тебя. — И самурай повалил Мурагумо на пол.

Рука Мурагумо совершенно омертвела, драться он не мог.

Ханкай ревел:

— Ты сломал мне кости! Мерзавец! — Однако, хотя голос был грозен, силы оставили его.

Самурай рассмеялся:

— Ну, ладно, ужин готов. Угощу вас. — Он поднял Ханкаю, ткнул его в спину: "Эй!" — и тот кое-как пришёл в себя.

— У меня что-то с рукой, — буркнул Мурагумо.

Его самурай взял за руку, как-то так повернул — и, хоть вначале было больно, всё встало на место.

Слуга и настоятель храма принесли ужин.

— Вам я дам только по одной порции. Чтобы вы знали, каково бывает в тюрьме. — Самурай поставил перед каждым плошку, доверху наполненную рисом. Однако, они были в таком унынии, что не могли есть.

Наступила уже глубокая ночь, и каждый лёг в своём углу.

На следующее утро самурай дал им снадобье:

— Приложите к больным местам.

— Спасибо. — И оба смазали свои раны.

Самурай позавтракал и собрался уходить:

— Послушайте меня! Здешний настоятель молод и нездоров, но он сын самурая. Драться он умеет, и хотя скрывает это, он будет драться, если надо. Подлечите ваши раны и поскорее откланяйтесь да уходите. — И он вышел за ворота.

Настоятель нагнал его:

— Такие грабители не страшнее птиц в клетке. Хоть я и болен, смогу опять им вывернуть кости, если они дадут волю рукам. Иди, и будь спокоен.

Тем временем дело шло к полудню. Необычный настоятель с пронзительным взглядом дал им лишь воды из-под варёного риса. Они

попробовали предложить ему за постой всё ту же золотую монету, но он подкладывал дрова в очаг и даже не взглянул на них:

— Неужели монах может взять ворованное золото?

Им стало не по себе, и не говоря ни слова, они вышли. Через некоторое время Мурагумо проговорил:

— С тех пор, как я перестал плавать по морю, душа не находит себе места. Вернись-ка на родину, в Синано — успокойсь там, отдохну. В Эдо мне идти опасно, ведь я там когда-то был борцом сумо, там меня знают... — И стал прощаться с Ханкаем.

Ханкаю тоже было грустно:

— Теперь я один — не пойду на самый север, а двинусь в Эдо, развеюсь....

Они поклялись когда-нибудь встретиться снова и разошлись.

В Эдо Ханкай, по обыкновению, опасался таких мест, где собиралось много людей. Как-то, когда сеял редкий дождь, он попробовал было сходить в храм Асакуса, но и в дождливый день там было нелюдно. Он надвинул пониже плетёную из соломы шляпу, зашёл в винную лавку. Допьяна, однако, напиваться не стал, и направился к Вратам Грозы — главному входу в храм. Там отчего-то собралась толпа, из уст в уста летело: "Воры, воры!". Он подумал, не Мартышка ли с Луной попали в беду, и пошёл взглянуть.

И точно — они, у обоих руки в крови, всю отбиваются мечами. Пятеро или шестеро молодых самураев окружили их, однако каждый из самураев тоже был уже отмечен раной. Отовсюду, даже из храма, бежали сюда торговые люди, мужчины с палками, все они сгруппировались вокруг. "Так не годится, надо им помочь", — подумал Ханкай, и раздвинув толпу, с невозмутимым видом спросил:

— Что за стычка?

— Эти воришки напились, и их застали, когда они шарили за пазухой у молодого самурая, чтобы что-то стянуть. Самурай сказал, что отведёт их в усадьбу своего господина и там накажет. Эти попытались сбежать и лезвием меча поранили самурая. Ну, самурай эти — все вместе были, вот теперь и бьются, уже каждый получил рану.

— Ах, вот что! — и Ханкай протиснулся поближе. — Напрасно вы дерётесь! Я рассужу вас! — закричал он.

У Мартышки и Луны словно сил прибавилось. С мечами наготове, они привалились к дереву.

Но самурай не слушали Ханкаю:

— Ну нет, они нас ранили, теперь мы не отступим. Мы вернёмся к своему господину с их головами, чтобы всё объяснить. А ты, монах, не вмешивайся, побереги свою жизнь!

— Их головы пока что принадлежат им. Если они вернули, что украли, их надо отпустить. А коли у вас нет сноровки, и вы позволили бандитам себя поранить, сами и виноваты. Смотрите, не послушаете меня... — И он размахнулся своим посохом и разом свалил двоих или троих.

— Да это сам главарь бандитов! — зашумели в толпе. Кое-кто кинулся прочь.

— Бей его! Убить! — кричали другие, с палками толще бамбуковых стволов.

— Да вы что, без глаз? Я же монах! А тех, кто не хочет слушать, не даёт спасти жизни людские, болтает без толку — прибью, разорву! — Своим посохом он стукнул семерых или восьмерых, кто стоял близко, и все они со стонами повалились.

Тут самураи пришли в замешательство и скрылись. Ханкай тем временем подхватил под руки своих: "Ну, давайте, идём!" — и они бросились бежать. Криков было много, но преследовать их никто не стал.

Выбравшись на простор, они привели себя в порядок, вытерли кровь, вымыли лицо, руки, ноги, и ничего не говоря друг другу, быстрым шагом пошли прочь.

Когда город Эдо был уже далеко, Ханкай обнаружил, что тюка с золотом больше нет.

— Наверное, обронил. Теперь не найдёшь, даже если вернуться. Это из-за вас я в убытке! А вы, верно, тоже уже без денег? — спросил Ханкай.

— Мы проигрались. Потом были в весёлом квартале — напились там и сорили золотом. Да — вот, что мы выгащили сегодня у этого самурая... Золота нет! Только на выпивку...

Всего оказалось около одного бу³⁰. Они купили на это вина, наелись супа из мисо, рыбы. В Эдо возвращаться было нельзя, и они пошли на восток. Закат застал их на равнине Насуно, в Симоцукэ.

Луна и Мартышка сказали:

— На этой равнине много дорог, нам уже случалось заблудиться здесь тёмной ночью. Отдохни здесь немного. Мы сходим разведем и вернёмся. — И убежали.

Возле разрушенной стены из камней-душегубов, про которые говорят, что они ядовиты, Ханкай развёл огонь и одно за другим подкладывал дровишки. В это время на дороге показался монах. Ханкаю не понравилось, что он прошёл, даже не взглянув.

— Эй, монах! Если у тебя есть что-нибудь поесть, давай сюда. А если с деньгами идёшь — плати. Бесплатно не пропускаем.

Монах остановился:

— Здесь один бу, возьми. Еды у меня нет. — Он положил голую монету в руку Ханкая и ушёл, не оборачиваясь.

Ханкай крикнул ему:

— Там, дальше, будут двое молодых людей. Скажешь, что встретил Ханкай, уплатил ему — и спокойно иди мимо!

— Понял, — ответил монах и лёгкой походкой удалился.

Однако, не прошло и часа, как монах вернулся:

— Так ты — Ханкай? С тех пор, как я сердцем обратился к Будде, я ни разу не сказал неправды. А тут вдруг пожалел и оставил себе монету — один бу. Теперь в душе моей больше нет мира... Возьми же и эту монету тоже! — И протянул её Ханкаю.

И как только монета коснулась его руки, он ощутил в сердце холод.

— Как чистосердечен этот монах!... — А сам он убил и своего отца, и брата, и столько людей пострадало, ведь он жил воровством! Как низко, низко!

Он вдруг разом постиг это, и обратившись к монаху, сказал:

— Ваша святость перевернула мне душу. Хочу быть вашим учеником, вступить на путь подвижничества...

Монах сочувственно отвечал:

— Сие благо. Ступай. — И они пошли вместе.

В это время явились Мартышка и Луна. Ханкай пристально взглянул на них:

— Идите, куда хотите, живите, как знаете. Я стану учеником этого монаха, стану подвижником... Вши на вороте к телу не липнут. Мы не встретимся больше.

На этом они расстались.

— Оставь сих неразумных детей! Твоё покаяние я выслушаю дорогой. — И монах пошёл вперёд.

Что же касается этой повести... Настоятель одного древнего храма в провинции Митиноку, когда минуло ему восемь десятков, объявил, что нынче преставится. Он омыл тело, сменил одежды, и возлежа на престоле со смежёнными веками, не произносил даже имени Будды.

Служки и гости обители обступили его:

— Как это всё благочинно! Изреките же стих прощального откровения!

— Враньё все эти предсмертные стихи. Пока не кончена жизнь, я расскажу вам правду. Я родился в провинции Хоки. Совершил всякие прегрешения. Однажды постиг истину, и вот, дожил до сего дня. И мудрец Шакья, и Дарума³¹, и я — душа одна, она чиста и безоблачна, — сказал так и умер.

Говорят же: "Смирив своё сердце, всякий может слиться с Буддой. А распустился — вот и демон", — такова и история Ханкая.

Комментарий

1. В провинции Хоки на горе Тайти Дайгонгэн — имеется ввиду вершина в префектуре Тоттори (1711 м), которая теперь чаще называется Дайсэн, но прежде имела и другие названия. На горе Дайсэн был храм Тайти Дайгонгэн, в котором имелось как синтоистское святилище, так и буддийская молельня. Вершина связана и с поверьями о мифических существах *тэнгу*.

2. *Час обезьяны* — время дня от 15.00 до 17.00

3. *Восемнадцать тё* — приблизительно 2 км. 1 *тё* равен 110м

4. *Край Оки, храм Такухи Гонгэн* — на одном из островов гряды Оки, Ниси-но сима, находится храм Такухи Гонгэн. Острова Оки в хорошую погоду видны с горы Дайсэн, расстояние от которой по прямой составляет приблизительно 100 км.

5. *Судно в восемьсот коку* — судно водоизмещением около 80 т. 1 *коку* равен 0,1 регистровой тонны

6. *Расстояние было тридцать восемь ри* — около 150 км. 1 *ри* равен 3,927 км

7. *Пустившись в час дракона, в провинцию Идзумо прибыли в начале часа обезьяны* — расстояние от острова Оки до западного побережья о. Хонсю герои преодолели за время от 7 часов утра до 3-х часов дня. Любопытно, что герой возвращается домой не напрямик, а делает крюк и плывёт сначала в Идзумо (нынешняя префектура Симанэ). Идзумо — это легендарное место обитания древних японских богов.

8. *Час лошади* — время от 11.00 до 13.00

9. *Кан* — связка из 960 *мон*, медных монет с отверстием в середине.

10. См. комм. 9

11. *Идатэн* (韋駄天) — буддийское божество (Skanda). Легенда о том, что у Будды во время его погружения в нирвану демон украл зуб, который стражник Идатэн отнял, догнав демона, связала Идатэн с образом быстрого бегуна.

12. *Пять сяку и семь сун* — около 173 см. 1 *сяку* равен 30,3 см 1 *сун* равен 3,03 см.

13. *Фань Куай* — китайский военачальник III в. до н. э., известный в Японии по "Историческим запискам" Сыма Цяня. В новелле Акинари содержится аллюзия на эпизод, когда Фань Куай ворвался в шатер Пэй-гуна во время пира: "...Откинул полог шатра и, обратясь лицом к западу, гневно уставился на Сян-вана, причем /от гнева/ волосы на его голове поднялись вверх, а зрачки настолько расширились, что, казалось, разорвут глаза". (Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1975, т. 2, с. 134.)

14. *Дзё* — мера длины. 1 *дзё* равен 3,03 м

15. *Волны набегают* — по-японски: *нами ёсуру*. Поскольку образ "белые волны" (*сиранами*) традиционно обозначал грабителей, в данном случае перед нами что-то вроде пароля, означающего: "Мы, грабители, уже здесь".

16. *Здесь, в этом море* — имеется ввиду Внутреннее Японское море.

17. *Кобо Дайси* (弘法大師) — посмертное имя буддийского вероучителя Кукая (774—835), который родился на о. Сикоку. Популярным маршрутом паломников было поклонение восьмидесяти восьми святыням Сикоку, связанным с именем Кобо Дайси.

18. *Дайси Хэндзё Конго* — молитвенная формула, включающая часть посмертного имени Кобо Дайси (см. комм. 17), а также его буддийское имя Хэндзё Конго, полученное во время пребывания в Китае (804—806), где он стал адептом секты Сингон.

Памятники культуры Востока

Буквально формулу можно перевести так: Великий Учитель, Всеосвещающий Алмаз. В иероглифическом начертании 大師遍照金剛, у Акинари частично записано азбукой.

19. *Храм Всех Святых* — так мы переводим *Со-но Ясиро* (物の社). В каждой провинции в эпоху Эдо существовал храм, где можно было помолиться любому божеству. В данном случае имеется в виду храм Всех Святых провинции Харима, который находился в пределах нынешнего города Химэдзи. Около храма был рынок.

20. *Такое, якобы, продают в Осака весной, на праздник Эбису, а в Киото в храме Курама, в первый день Тигра* — муляжи золотых монет, как символа благосостояния, были принадлежностью праздника бога Эбису в храме Имамия в Осака, а также празднования Дня Тигра в храме Курама. Существовал даже термин *Курама кобан* (鞍馬小判) для этих поддельных денег, так как настоящие золотые монеты назывались *кобан*.

21. *Три мерки риса* — так мы переводим *три то*, исходя из соображений благозвучия. 1 *то* равен 18 л. Рис измеряли в объёмных мерах.

22. *Коку* — объёмная мера, равна 180,391 л. Один *коку* риса весит около 150 кг.

23. *Фу Си* — легендарный культурный герой Китая, который, по преданию, научил людей заниматься охотой и рыболовством, а также писать.

24. *Флейта сё* — духовой музыкальный инструмент, пришедший в Японию из Китая. Представляет собой около двух десятков соединённых между собой узких трубочек с отверстиями, воздух подаётся через одно центральное отверстие.

25. *Богиня Мёонтэн* (妙音天) — одно из имён буддийской богини красоты Бэндзайтэн (Sarasvatī), которую обычно изображают с лютней в руках, так как она является покровительницей музыкантов, актёров и т. п.

26. *Флейта ёкобуэ* — духовой музыкальный инструмент, представляющий собой деревянную трубку длиной около сорока сантиметров с боковыми отверстиями.

27. *"Всей душой — к единому!"* — так мы переводим фразу *Икко иссин* (一同一心), которой адепты секты Дзёдо Син обозначают бесконечное повторение спасительной формулы: "Наму Амьда Буцу".

28. *Про куликов Ното, что кричат на скалах "Многие лета!"* — Аллюзия на анонимное стихотворение из антологии "Кокин Вакасю", в котором говорится, что кулики (*тиё*) кричат императору "Многие лета!" (*ятиё*). Традиционно считается, что речь идёт о куликах полуострова Ното, но в стихотворении это не сказано.

29. *Преисподняя* — в префектуре Тояма, в горах Татэяма есть долина гейзеров, которую издавна называли *Дзигоку дани* — Адская долина. Существовало поверье, что туда выходят обитатели ада.

30. *Бу* — золотые и серебряные монеты, часто прямоугольной формы.

31. *Мудрец Шакья и Дарума* — Будда Шакья Муни и легендарный основатель секты *дзэн* Bodhidharma.

32. *"Смирив своё сердце, всякий может слиться с Буддой. А распустился — вот и демон".* — Фраза часто употреблялась буддистами секты Тэндай, иногда её считают поговоркой. Изначально содержалась в китайском комментарии к "Лотосовой сутре", точнее источник не установлен. Уэда Акинари использовал её также в новелле "Голубой колпак" сборника "Угэцу моногатари" (См. [13 с. 11—119])

География новеллы "Ханкай"

На карте Японии цифрами обозначены:

1. Провинция Хоки (伯耆), гора Тайти Дайгонгэн (大智大権現) — вершина Дайсэн в префектуре Тоттори.
2. Край Оки (隱岐), храм Такухи Гонгэн (たく火権現) — храм Такухи Гонгэн находился на о. Ниси-но сима гряды Оки.
3. Провинция Цукуси (築紫), гавань Хаката (博多) — район Хаката города Фукуока в префектуре Фукуока.
4. Горячие источники в Нигитадзу (熱田津) — курорт Дого в окрестностях г. Мацуяма префектуры Эхимэ.
5. Гавань Сикама (しかま) в земле Харима (播磨) — порт Сикама в г. Химэдзи префектуры Хёго.
6. Нанива (難波) — г. Осака префектуры Осака.
7. Горячие источники в Яманака (山中) — г. Яманака в префектуре Исикава (бывш. провинция Кага).
8. Горячие источники в Авадзу (粟津) — г. Комацу в префектуре Исикава.
9. Долина Дзигоку-дани (地獄谷), "Преисподняя" — долина гейзеров в горах Татэяма, префектура Тояма.
10. Равнина Насуно (那須野) в Симоцукэ (下野) — местность Насу на северо-востоке префектуры Ибараки, по большей части представляет собой горное плато.
11. Минитоку (陸奥) — северо-восточная часть о. Хонсю, иначе называлась ещё Муцу, территория нынешней префектуры Иватэ.

Памятники культуры Востока

